
Стремительно меняется Россия
С жестокой сменой курсов и дорог,
То падая без воли и без силы,
То избавляясь от земных тревог.
И зачастую на душе мрачнее
Становится, и тяжелеет взгляд.
Лишь Спасского заветные аллеи
По-прежнему пленяют и манят.
И бесконечно просветлённым взором
Окидываю дом и сад, и пруд.
На ветке дуба двухсотлетний ворон
Здесь сторожит течение минут,
Когда скользят причудливые тени
Созданий гениального ума,
И в окруженье героинь – Тургенев,
И над тропой – мерцающий туман.
И слышен шёпот тихий и невнятный –
Листва шумит иль чей-то разговор?
И ароматы чабреца и мяты
Благоуханьем наполняют двор.
И верится без всяческих сомнений,

Что так же будет через триста лет,
Что Спасское для новых поколений
Убережёт Тургенева завет.
Завет любви и красоты сердечной,
Пленяющей, печальной красоты,
Когда едино – краткий миг и вечность,
И в каждом слове Спасского черты.

Усадьба упала подковой
Среди живописных земель.
Досталась девице толковой
В наследство. Поближе к зиме
Заехал в именье красавец
И жизнь навсегда изменил.
Помчались семейные сани –
Звени, колокольчик, звени!
Звени! Возвещай всей России
О будущей славе её.
Рождения младшего сына
В имении барыня ждёт.
Она и не предполагает

Его нестандартной судьбы.
На кухне пекут расстегаи
И солят в кадушках грибы.
Так было вчера и сегодня,
Дел много – таких ли, иных...
Для пущего лада в угожьях
Секут иногда крепостных.
Жизнь эта – бродильные дрожжи,
Закваска таланта, ума,
Что в сыне проявятся позже
И примут всемирный размах.

– У барыни сын родился.
– Да мне от того не легче.
Дымок разговора вился
Вокруг загудевшей печи.
И печь соглашалась гулко,
Утробой ворча натужно.
Горшочек с похлёбкой булькал,
Поддакивал добродушно.
– Варваре Петровне трудно
Порой угодить бывает.
Ей часто волною мутной
Свет белый перекрывает.
Тогда – берегись обслуга,
Пороть будет даже сына.
Реви, не реви белугой,
Давай, подставляй-ка спину.

Спасское! Сколько отрады
Трепетной юной душе.
Строгий порядок, а рядом –
Дети крестьян в шалаше.
Можно сбежать от опеки
В мир немудрёно простой,
Взглядом всевидяще-цепким
Впитывать жизни устой.
Ветка вдруг станет свистулькой,
Звуки прорежутся в ней:
Будет то ль тетерев булькать,
То ли звенеть соловей.

Множество разных мелодий
В быте крестьянском живут,
В творчество тихо восходит
Магия этих минут.
Магия иволг, кукушек...
Магия вьющихся пчёл
Над переспелой грушей,
Что липким соком течёт.
Память запрячет в сусеки
Пруд и аллею, и дом,
Разных окрестных соседей...
Пустит в рассказы потом.

Как много страсти и волненья
В желании всё познавать,
Когда уехал из имения,
И не прикрикнет строго мать.
Забавы юности известны,
Диктует жизнь их и года.
На встречу с девицей прелестной
Сходить не лишне иногда.
Чтобы забыть о ней назавтра,
Отдавшись прелестям наук,
И языки учить азартно,
И новый заказать сюртук.
На свежей побывать премьере,
О Байроне поговорить,
Его последовав примеру,
И самому начать творить.
Но снова дни в плену инерций,
Театры, встречи визави...
Пристрастий множество, а сердце
Живёт предчувствием любви.

Любовь. Кто может ей сказать – явись!
Она восходит заревом рассветным
И в одночасье изменяет жизнь,
Вдруг наделив сокровищем несметным.
Врывается в томительные дни
Любовь, как луч из глубины столетий,
Как маяка заветного огни,

Манящего в грядущее бессмертье.
Любовь влечёт к избраннице одной,
К ней направляет все свои дороги,
И напоив отравою хмельной,
Ей источает пылкие восторги.
И чем любимая наделена,
Красавица, дурнушка – всё едино,
Когда вдруг сердце дрогнуло – она!
Великая любовь непобедима!

Старинный замок под замшелой крышей,
Вокруг – каналы с тихой водой.
Лишь временами скрип уключин слышен...
Тургенев и Полина Виардо

В Куртав(е)неле. Им приносит ветер
Благоухание лесов, полей,
Пейзаж вокруг изящен и приветлив,
Над цветником – жужжание шмелей.
Рояля звуки. Сильный, страстный голос
Колдует, тянет в свой водоворот...
Короткий миг, и время расколосось –
Не изменить судьбу, не побороть.
Любовь и творчество, экстаз и песня
Переплелись узлом – не развязать.
Охотничьими тропами известность
Приходит в жизнь. Охотничий азарт
Преображает из пустой забавы
Писательство за несколько недель,
И колыбелью новой русской славы
Становится тогда Куртав(е)нель.

